

Научная статья
УДК 81-26
doi: 10.17223/19986645/98/4

Русинское поле и его «неполевые» родственники (в связи с проблемой исторического места «карпатских языков»)

Любовь Петровна Дронова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, lpdronova@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрена история и специфика формирования сельскохозяйственной терминологии, обозначения некоторых культурных понятий в русинском и близких (исторически и пространственно) славянских языках, связанных с исходным этапом расселения славян в Восточной Европе, распространения земледелия на вновь осваиваемых территориях, становления отдельных культурно значимых понятий на разных исторических этапах как свидетельство исторической сложности формирования русинского языка / диалекта в составе восточнославянских языков.

Ключевые слова: русинский язык / диалект, историко-лингвистический и культурологический подходы, понятие «поле»

Для цитирования: Дронова Л.П. Русинское поле и его «неполевые» родственники (в связи с проблемой исторического места «карпатских языков») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 61–74. doi: 10.17223/19986645/98/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/98/4

The Rusyn pole "field" and its "non-field" relatives (in association with the problem of the historical place of the "Carpathian languages")

Lyubov P. Dronova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, lpdronova@mail.ru*

Abstract. Due to complex historical processes in the Carpathian language zone, linguists have different opinions on whether Rusyn is a separate East Slavic language or a dialect of the Ukrainian language. The difficulty is posed by the very history of the Slavic settlement in the Carpathians and adjacent territories. The article analyzes the culturally significant lexis characterizing different stages in the history of the Carpathian population to understand how deep the East Slavic traits are in the Rusyn language and to what extent it correlates with different zones of the East Slavic area. The historical linguistic analysis shows that in the languages of Slavs who settled on the plains

with arable land in the east, in the west and in the Balkans, the designation of plain and forestless spaces was transferred to the designation of arable plough land, cf. dictionaries reflect Old Ukrainian *pole* "open forestless space" (156 uses), "sown or cultivated land plot" (15 uses), Rusyn *pole* "field, land" (fig. "area, sphere"), *polyovanya*, *polyovka* "hunt". A forestless space on the plain constitutes one phenomenon, while its counterpart in the mountains or foothills represents something entirely different, so the formation of the meaning "wild, non-arable" and further "bad" of the Rusyn *planyy*, included in the compact peri-Carpathian area of the Slovak and Polish dialects, evidences the original settlement of this part of Slavs on this territory (*planyy* is related to the Slavic *pole). At the same time the Rusyn language preserves the Common Slavic/Indo-European designation of land ploughing: *orati* "to plough", *oranya* "ploughing", *orach* "ploughman", *ralo* hist. "ard", *rolya* "plough land", etc. There is a specific example from the formation of ethical and moral lexis. The notion "obligated" in the Rusyn language is expressed by the lexeme *dovzhen* (*dovzhnyy*), as in the languages of Slavia orthodoxa. In other Slavic languages this word is used in the historically original meaning: "borrowed/loaned" (about money), while the meaning "obligated, duty" is expressed by Slavic formations with clear internal form, Middle Ukrainian *obóv'yazok*, Czech *závazek*, *povinnost*, "obligation". The attribute "obligated" as action/state (Russian *dolzhenstvovat'*) is designated in the Rusyn language by the verbs *dostoyati* "to beseem, be obliged", *dostoit* "is supposed, beseems", also considered related to the Church Slavonic language. This approach of placing the Carpathian languages in the center of the historical triangle of linguistic links (East Slavic – South Slavic – West Slavic), accounting for the known separate links between individual languages, seems relevant and effective to solve the issue of the Rusyn language status.

Keywords: Rusyn language/dialect, historical-linguistic and culturological approaches, notion "field"

For citation: Dronova, L.P. (2025) The Rusyn *pole* "field" and its "non-field" relatives (in association with the problem of the historical place of the "Carpathian languages"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 61–74. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/4

Введение. История и проблемность темы

Различие в мнениях лингвистов, историков, политологов относительно того, является ли русинский отдельным восточнославянским языком или это диалект украинского языка, обусловлено сложными историческими процессами в карпатской языковой зоне. Русинский язык в «Википедии» определяется как совокупность разнородных диалектных и литературно-языковых образований, бытующих или бытовавших среди русин как на их исконных землях в Закарпатской области Украины, Восточной Словакии и Лемковщине на юго-востоке Польши, так и за их пределами, в районах компактного проживания русинов на территории Воеводины (Сербия), Славонии (Хорватия), в Венгрии и на северо-западе Польши, а также в США и Канаде. Чертой, отличающей лексику русинского языка от лексики остальных восточнославянских языков, является наличие в её составе большого количества общекарпатских полонизмов, словакизмов, мадьяризмов и германизмов.

Так сложилось, что язык переселенцев-русин в Словакии и Сербии (Воеводине) признан как самостоятельный язык еще в начале XX в. С русин-

ским языком Закарпатья, официально относящимся к диалекту (-ам) украинского языка, ситуация не так однозначна в лингвистическом мире. Сложность заложена уже в самой истории заселения славянами Карпат и прилегающих территорий. Как показывают взгляды историков, археологов, антропологов в далекое праславянское прошлое, славянское заселение Карпат было частью переселенческого потока славян на юг, на Балканы и в обход Карпат на равнину между Карпатами и Днестром (прежде всего в связи с передвижением восточногерманских племен из Скандинавии, вызвавшим Великое переселение народов в Европе в IV–VII вв.). Значительную трудность составляет определение культуры юго-западных групп восточнославянских племен – уличей (Южное Поднепровье и Побужье), древлян (Восточная Волынь), тиверцев (Прутско-Днестровское междуречье), хорватов (Прикарпатье и Закарпатье), бужан, волян (Западная Волынь и Верхний Днестр) [1. С. 161]. На этом этнокультурном перекрестке и формировалась языковая основа Закарпатья.

С 70-х гг. V в. археологами отмечается продвижение склавинов, носителей пражской культуры, в южном и юго-западном направлении. По данным археологии, славяне заселили обширные территории центральной и западной части Европы за столетие до прихода туда аваров. Движение аваров из Причерноморских степей на запад вовлекло в миграционную волну и антов, сформировавшихся в условиях славяно-иранского симбиоза и в составе пестрой в этническом отношении черняховской культуры междуречья Днестра и нижнего Дуная. Полагают, что археологически расчленить среднедунайские древности готов, гуннов и варваров (в том числе славян), известных там по историческим источникам, пока не представляется возможным [2. С. 196, 229]. Есть мнение, что в результате миграционно-интеграционных процессов первой волны заселения (склавинов) и второй (антов, вовлеченных в миграционный поток аварами) сформировался позднее словацкий язык с гетерогенной праславянской основой [3. С. 46–55].

Сложность определения степени языкового родства в подвижной и разноконтактной языковой среде показана В.В. Чарским в исследовании языка южнорусинского этноса, сложившегося после переселения нескольких групп карпатских мигрантов греко-католического вероисповедания на территорию современной Сербии и Хорватии в XVIII–XIX вв. (язык кодифицирован в 1923 г.). Основой южнорусинского языка признаны восточнословацкие говоры, карпаторусинские же элементы в структуре этого языка находятся на абсолютной периферии и представлены, главным образом, некоторыми лексическими вкраплениями и отдельными формами в идиоматических выражениях, но при этом и остается необъясненным наличие восточнославянских элементов [4. С. 7–8]. Автор этого исследования полагает, что найти ответ, объяснение этому почти полному отсутствию (или частичному присутствию) элементов карпаторусинского языка можно при контактологическом подходе: «...именно контактологическому подходу свойственны пристальное внимание к диалектному материалу, четкое разграничение различных периодов истории языка, исконных и заимствованных элементов,

что невозможно без определения точки отсчета его существования как самостоятельного идиома, а также тождественное восприятие языка, диалекта и группы говоров внутри диалекта как полноценной системы. По этой причине именно контактологический подход способен предложить решение этого вопроса на качественно ином уровне» [4. С. 10].

Не сомневаясь в перспективах такого аспекта в решении историко-лингвистических проблем, следует отметить, что современному диахроническому подходу к анализу языка, опирающемуся на ряд методов, в том числе и на традиционный сравнительно-исторический, также свойственно то же самое пристальное внимание к диалектному материалу, четкое разграничение различных периодов истории языка, исконных и заимствованных элементов, как и заявляемому новому варианту контактологического метода. В.В. Чарский не касается вопроса различий в этих подходах, но, вероятно, это относится к глубине сопоставления, реконструкции.

Возвращаясь к карпаторусинскому и сопоставляя его со словацким языком, для которого выявляется исторически гетерогенная праславянская основа, понимаем, что для карпаторусинского языка все гораздо сложнее с определением его возможных гетерогенных основ, что дополнительно осложняется сложившимся и принимаемым многими лингвистами (как и историками) подходом к нему только как диалекту украинского языка с соответствующей подачей в лексикографических источниках (ср. С.С. Скорвид о перспективах создания единого литературного русинского языка) [5. С. 110–115]. На значимость изучения карпатских языков первым обратил внимание В.М. Иллич-Свитыч, отметивший, что пребывание славян в горных районах Карпат должно было сопровождаться значительными сдвигами в лексике и что эти изменения можно проследить в лексике южных славян, пересекших Карпаты, и в 1990-е гг. была предпринята попытка реконструкции карпатского регионального компонента позднепраславянского лексического фонда в формате Карпатского ареально-этимологического словаря (под руководством Л.А. Гиндина) [6. С. 14–36].

Наша задача – попытаться посмотреть на проблему статуса русинского языка (языка бойков, лемков, гуцулов) с точки зрения формирования понятий, культурно значимых для разных этапов истории Карпат в ситуации меняющихся векторов культурного взаимодействия. Иначе говоря, попытаться установить этимологическими и культурно-историческими средствами, с привлечением исторических и археологических данных, «цепочки», по которым осуществлялась передача карпатизмов от языка к языку, и выявить таким образом генетическое «ядро» карпаторусинского языка (даже если оно неоднородно исходно).

Предметом анализа в таком случае, полагаем, должна послужить культурно значимая лексика, характеризующая разные этапы истории заселения Карпат, чтобы можно было понять, насколько же восточнославянские черты глубоки в русинском языке и в какой степени они соотносятся с разными зонами восточнославянского ареала? Язык как зеркало истории дает немало

свидетельств сложной судьбы этой части славян. Следовательно, есть необходимость и возможность рассматривать и оценивать языковой материал с точки зрения разных периодов истории культуры, опираясь на сравнительно-исторический, собственно лингвистический метод, и историко-культурный методы с привлечением данных археологии, этнографии, антропологии.

Такой подход – помещение карпатских языков в центр «треугольника» исторических языковых связей (восточнославянские – южнославянские – западнославянские), учитывая уже известные сепаратные связи между отдельными языками, – представляется актуальным и эффективным при решении вопроса о генезисе русинского языка. Вопрос о происхождении карпатских языков обсуждался в отечественной лингвистике при анализе проблем составления Общекарпатского диалектного атласа в связи со сложностью проблемы формирования, выделения исторически базового (-ых) диалекта (-ов) этого ареала и разграничения с результатами последующих исторических связей. О способе выявления исторической диалектной базы в карпатских языках писал в 1989 г. В.Э. Орел, обсуждая вопрос о границах этимологического изучения карпатской лексики: «С этимологической точки зрения совокупность карпатской лексики есть не что иное, как множество разнонаправленных заимствований <...> для карпатистики полезна не этимология как таковая, а установление этимологическими средствами “цепочек”, по которым осуществлялась передача карпатизмов от языка к языку <...> при этом выявляются и основные направления внутрикарпатского взаимовлияния. Это существенно для создания целостной картины этнического влияния» [7. С. 100–101].

Попытаемся эту проблему посмотреть на примере анализа понятий, возникших и значимых, востребованных в определенное время и определенных культурно-исторических условиях в славянской среде, обратив внимание на историю и специфику формирования земледельческой терминологии в русинском и близких исторически и пространственно языках, опираясь на историко-лингвистический, этимологический и историко-культурологический подходы к анализу языковых фактов. Интерес возник при рассмотрении лексики общей отрицательной оценки в русинском языке, которая имеет, с одной стороны, глубокие исторические корни (*злый, недобрый, лихий, слабый*), с другой стороны следы наиболее тесных межъязыковых контактов (с западнославянскими языками – *пудлый, паскудный, планый*, опосредованно с немецким языком – *нефайный*). Интересным показался один из результатов региональных контактов русинского с западнославянскими языками – лексема *планый* с пометой «областное» как синоним *пудлый*. О том, что общеотрицательное значение не новое у этого слова, свидетельствуют значения однокорневых образований: русин. *паник* (син. *ничомник*) ‘ничтожество’, *пан(н)іти* ‘становиться плохим, портиться’ (*загорода без газды паніла ‘сад без хозяина дичал’*), *панство* (обл.) ‘зло (нар.), плохота’, *пан(н)ий* ‘поганий, марний, худий; бесполезный, напрасный; плохой’ (о чел., животном) и ‘поганий, неродючий, неврожайний’ (о растениях), *планка* ‘дикая яблоня’ [8. С. 263–274].

Общеоценочное отрицательное значение у слова *пlаный* сформировалось на основе значений ‘дикий, бесплодный, пустой (о пространстве)’ в той сфере его бытования, где жизнь исторически связана с горным регионом Карпат, ср. диал. слвц. *plányu* ‘злой’ (о человеке), ‘плохой’ (о воздухе, погоде), наряду с лит. ‘плохой; пустой, бесплодный’ [9. С. 113]. Источником его распространения в словацкий, чешский языки в общеоценочном значении считаются диалекты польского языка [10. С. 471], ср. польск. диал. *plony* ‘lichy, nędzny, nieplodny, biedny’, *plono* ‘kiepsko, lichy’ [11. С. 125] при польск. лит. *plonny* (уст. *plony*) ‘несбыточный; безрезультатный; бесплодный’ (синоним *próżny* ‘пустой, напрасный’) [12. С. 302]). То есть это ареальная западнославянская семантическая инновация, в которую вовлечен и русинский (‘дикий, неплодоносящий, неурожайный’ → ‘пустой, плохой’). Сравнение с однокорневыми образованиями русского языка – лит. *полюй* ‘имеющий внутри ничем не заполненное пространство; пустой’ и ‘(о воде, реке) вышедший из берегов’ при диал. *полюй, полой* ‘ничем не заслоненный, доступный взору’ (олон.; 1895), ‘ничем не заполненный, порожний’ (волог.; 1852 г.) [13. С. 174; 14. С. 54] – со ст.-чеш. *polo* ‘полое, пустое место’ [10. С. 471] позволяет определить исходное значение как ‘пустое, ничем не заполненное, пространство’ > ‘ровная, безлесная, невозделанная земля; полонина’. С исторической, историко-культурной точки зрения оказывается, что эта лексика связана с исходным этапом расселения славян на пригодных и непригодных для земледелия пространствах. В языке славян это отразилось в том, что наряду с русин. *пlаный*, польск. *plony*, рус. *полюй* и др., определяющими пустое, равнинное пространство, существует общеславянское однокорневое образование **pole*, связанное в основном с обозначением земледельческой практики славян.

Историко-лингвистический анализ показывает, что в языках славян, расселившихся на равнинных землях, пригодных для земледелия, на востоке, на западе и на Балканах обозначение равнинных, безлесных пространств перешло на обозначение обрабатываемой, пахотной земли, пашни, что и отражают рефлексы слав. **pole*, ср. др.-рус. *поле* (194 употребления) ‘безлесная равнина; пастбище; степь’ и ‘обрабатываемая земля [15. С. 114]; ст.-укр. *поле* ‘открытое безлесное пространство’ (156 употреблений), ‘засеянный или обработанный участок земли’ (15 употреблений): *а в поли юде собгъ проорють нивы* [16. С. 181]; с.-хорв. *поље* ‘поле, область’, *пољак* ‘полевой сторож’, *пољоделац* ‘земледелец’ [17. С. 643]; польск. *pole* ‘поле (пахотное, пшеничное)’, ‘поле, пространство’, ‘(охот.) поле, охотничий выезд’, рус. диал. *поле* ‘постоянная пашня близ деревни’ (олон.), *поле полевать* ‘охотиться или воевать’ (смол.), *полевая земля* ‘малопродуктивная земля’ (арх.; 1867–1868 гг.), *полевой* ‘дикий, неприрученный’ (*полевой гусь, полевые утки, полевые свиньи*; смол., сиб.), ст.-слав. *польскъ* ‘дикий, полевой’, ‘деревенский, сельский’ [18. С. 95; 19. С. 3, 147].

Интересны с историко-культурной точки зрения однокорневые с сербскохорватским *поље* образования *напоље* ‘снаружи’, *напољу* ‘снаружи, извне’, которые

представляют собой вариант выражения оппозиции «свой – чужой»: поле как символ чужого, необжитого пространства (ср. аналогичное рус. *вон, вне, вовне, внешний*, вероятно, родственные др.-инд. *vānat* ‘лес’, *vānē* ‘в лесу’, аналогично с лит. *laukė* ‘снаружи’, *laukan* ‘наружу’, букв. ‘в поле’) [20. С. 328, 348].

В русинском языке словом *поле* обозначают поле, землю (*перен.* область, сфера), но не только и не столько собственно обрабатываемую землю, скорее ровное место, на что указывает сравнение с семантикой его производных (*полёвый* ‘полевой’, *полёваня*, *полёвка* ‘охота’, *полёвати* ‘охотиться, блуждать / ходить по природе’, *полёвник* ‘охотник’, *полёвица* ‘полевая дорога’, *полёгосподарство* ‘сельское хозяйство’ [21. С. 122]. Именно с такой точки зрения слово *поле* поясняют и его синонимы: поле как угодье – *развалина* (‘поле, долина, ложбина’), ‘огороженное поле’ – *обора*, *загородчина*, ‘запущенное поле, под паром’ – *толока*; слова-заимствования (из венг., рум., опосредованно из др.-в.-нем.) *готар(ь)*, *лан*, *табла*, *дараба*, *царина* определяют поле с точки зрения размера, как поле под паром [22. С. 163].

Таким образом, *поле / role* исторически не сразу и не во всех славянских языках становится обозначением пашни, аграрным термином, продолжая сохранять связь с исходной семантикой – ‘ровное, безлесное пространство’. Но одно дело свободное от леса пространство на равнине и другое дело, если это в горах, в предгорье. Поэтому формирование значения ‘дикий, необрабатываемый’ и далее ‘плохой’ у производных **rol-n-* (*планный*, *plon(n)у*), однокорневого образования со слав. **role*, в русинском и близких пространственно языках Карпатской зоны может свидетельствовать об исконном проживании этой части славян на данной территории.

Интересно в историко-культурном плане и второе общеславянское обозначение поля, пашни – **niva* (и его производные **nivica*, **nivka*, **nivaġ*, **nivišće*, **nivъpъ(jь)*), которое соседствует с обозначениями пастбища, луга, ср. с.-хорв. *niva* ‘обрабатываемое поле; пастбище, выгон, луг’, ст.-чеш. *niva* ‘тж’ и ‘мера поверхности поля’, чеш. *niva* ‘поле, пашня, в особенности новь; обширный ровный участок поля или луга’, польск. *niwa* ‘поле. пашня, угодье’, и (уст.) ‘поле после корчевания леса, новь, поле посреди леса; жатва, урожай’; широкий круг подобных значений у этого слова есть в диалектах русского языка [23. С. 134–136]. Похожий спектр значений этот земледельческий термин имеет и в карпатских языках: русин. *нива* ‘нива’, *ист.* ‘мера земли = урбариальный надел’, ср. *нива гнуйна родит добрі мелай* ‘унавоженная нива дает добрый урожай кукурузы’, бойк. *нива* ‘всходы зерновых; засеянное или засаженное поле; давно не паханное поле’ [23. С. 136; 24. С. 599].

Историко-этимологический анализ, согласно большинству исследователей, для праслав. **niva* как родственное определяет греч. *νερός* ‘новина, вновь вспаханное поле; пашня вообще’ (из **νερός*) и как первичное значение либо ‘новь, новина, впервые вспаханное поле’, либо ‘низина, низменность’ и ‘пашня (в низине); вновь вспаханное поле’ [23. С. 136–137]. Сопоставляя способы номинации праслав. **niva* ‘низина, пригодная для пашни’ и **role* ‘безлесная равнина’, видим исходно значимые признаки земель, осваиваемых при славянском расселении, в том числе и в районе расселения

русин. Подобную особенность в номинации равнинных мест в горной местности видим и в южнославянских языках: микрополе «Горное поле – горное пастбище» в Хорватии представлено лексемами *gavčina*, *pliva*, в Черногории – *pol'a* ‘поле’, *lazina* ‘ровное поле’, *pašu* ‘пастбище’, в Македонии – *pol'e*, *pašišće*, *pl'anina* [25. С. 114–117].

Специфика формирования понятия «поле» как термина земледелия в Карпатах и Закарпатье особенно отчетливо видна на фоне общеславянского, унаследованного еще из индоевропейского языка, обозначения способа обработки и самой обрабатываемой земли, ср. и.-е. **ǵar-* ‘обрабатывать землю’: хет. *ḫarš-* ‘обрабатывать землю под посев’, лат. *arāre*, гот. *arjan* ‘пахать’, тох. А, В *āre* ‘плуг’, лат. *arvum* ‘пашня’, ст.-слав. *orati* ‘пахать’, *galo* ‘плуг’ и т.д. [26. С. 687–688]. Этот древнейший термин обработки земли в разной степени употребителен в современных славянских языках, ср. рус. диал. *орало* / *рало* ‘соха’, *оральник* / *ральник* ‘сошник’, рус. *перекуем мечи на орала*, укр. *орати*, с.-хорв. *орати* ‘пахать’, *рало* ‘деревянный плуг’, *рало земље* ‘мера земли (ок. 0,73 га)’, польск. *ogać* ‘обрабатывать землю под пашню’, *ogka* и *gola* ‘пашня, земля (обрабатываемая)’, *rolnik* ‘земледелец’, *kraj rolniczy* ‘аграрная страна’ и т.п. [17. С. 803–804; 18. С. 265; 27. С. 98–112]. В русинском языке этот термин представлен целым рядом производных: *орати* ‘пахать’ (*орати плытко* / *урозно*, *в склад* – о разных способах пахоты), *ораня* ‘пахота’, *ораний* ‘вспаханный’, *орный* ‘пахотный’, *ораниця* ‘пашня’, *орач* ‘пахарь’, *орный* ‘пахотный’, *орачка* ‘вспашка’, *орачува* ‘работа’, *орак* (бойк.) ‘вспаханная земля на склонах гор’; с другим вариантом корня – *роля* ‘пашня’ (*орница*), *рольный* ‘аграрный’ (*рольный газда*), *рольник* ‘земледелец’, *рольництво*, и *ралити* ‘рыхлить (культиватором)’, *рало ист.* ‘рало’; *совр.* ‘культиватор’ [21. С. 24–25; 28. С. 140, 161]. Из этого следует, что древнейшее обозначение обработки земли в славянских языках широко представлено и в русинском языке. И этим русинский язык являет культурно-исторические корни народа, свою исконность на Карпатах.

Таким образом, из анализа становления базовой земледельческой лексики русинского языка видим вписанность ее в общую картину особенностей расселения и освоения славянами разных территорий, разных по рельефу и возможности хозяйственной деятельности на них.

Не менее значимый показатель истории и культуры народа по сравнению с историей земледельческой лексики – история формирования общеоценочной лексики языка. «Мостиком» между этими понятийно-языковыми сферами в русинском языке и оказалась история вышерассмотренного русин. диал. *планый*, входящего в компактный, околокарпатский, ареал диалектов словацкого, чешского и польского языков.

Иначе обстоит дело с выражением понятия «польза / полезный». Сказалось политическое и социально-культурное влияние Венгрии / Австро-Венгрии, в состав которой долгое время входило Подкарпатье. Это пример отражения в культурно значимой лексике витка истории, включившего русин в зону активного влияния неславянского окружения: венгерское *hosен* пришло в русинский язык со значениями ‘польза, прок; доход, выгода; разжива,

толк' (< венг. *haszon* 'корысть, выгода'). Таким образом получилось целое словообразовательное гнездо, – *хосенный* 'полезный, пригодный, выгодный', *хосенность* 'полезность' и др. Это слово известно также украинскому, польскому, словацкому языкам, но именно в русинском языке оно подается в словарях во главе синонимического ряда. *Хосен* потеснило, но не вытеснило в русинском общеславянское *корысть* / **koristь* 'польза, выгода' (ср. в русском языке функциональные различия церковнославянизма *польза* и общеславянского *корысть*). Остальная, исконная, лексика синонимического ряда, выражающего понятие «польза» в русинском языке, обнаруживает связи с лексикой контактных языков, например, *пожиток* 'польза, выгода' имеет соответствия в западно- и восточнославянских языках [29. С. 211].

Рассмотрим пример из периода становления морально-этической лексики: историко-культурный период – Средние века, утверждение христианства. Понятие «должен» в русинском языке выражено лексемой *довжен* (*довжний*), имеющей два значения, как и в русском языке: модальное 'должен, обязан' и немодальное, продолжающее значение производящего – '(имеющий) денежный долг', ср. русин. *довжно* 'необходимо, нужно, следует', *довжний* 'винен, такой, що має борг', 'повинен, зобовязаний' (*довжен изробити, довжен сто рублюв, довжити* 'быть в долгу'). Такое выражение семантики долга отмечается не во всех славянских языках: функционально-семантически русинский совпадает со старославянским, древнерусским, русским, болгарским и сербохорватским языками, т.е. языками *Slavia orthodoxa*. В других славянских языках (укр., блр., словен., чеш., слвц., польск., лужиц.), имеющих также продолжение праслав. **dьlgь*, за этим словом сохранилось исторически исходное значение – 'взятое / данное взаймы (о деньгах)', а значение 'обязан, обязанность' выражают славянские образования с ясной внутренней формой: укр. *об'язок, повинність*, блр. *абавязак*, чеш. *повinnost, závazek* 'обязательство', с.-хорв. *обавэзати (се)* 'обязать(ся)' и т.п., как и русин. *убязаныи*. Признак «должный» как действие / состояние (рус. *долженствовать*) обозначается в русинском глаголами *достояти* 'приличествовать, долженствовать, быть обязанным', *достойти* 'положено, приличествует', *пристояти* 'приличествовать', ср. др.-рус. *достойти* 'следует, должно, надлежит', рус. *достойно*, с.-хорв. *достàјати (се), то му се достоји* 'это ему приличествует'), эта лексика относится к разряду церковнославянизмов, в то время как глаголы *приходити (ся), приходит ся* 'приходится, полагается, долженствует' (*приходячий по закону*) имеют соответствия в другой славянской зоне, ср. слвц. *prichádza* 'следует, нужно, надо' [30. С. 107–118]. В данном случае это пример формирования понятия в русинском языке в зоне влияния православия, старославянского / церковнославянского языка, как и в русском, южнославянских языках, и влияния соседних, западнославянских языков.

Заключение

При решении вопроса о статусе русинского языка представляется актуальным и эффективным рассматривать карпатские языки в центре «тре-

угольника» исторических языковых связей (восточнославянские – южнославянские – западнославянские), учитывая уже известные сепаратные связи между отдельными языками. История славян (нынешних русин – бойков, лемков, гуцулов), расселившихся на Карпатах (в Прикарпатье, Закарпатье) и оказавшихся на перекрестке дорог разных исторических событий между Восточной и Западной Европой, сложна и полна многих драматических событий, как и языковая история этих народов, и судьба приверженцев родного языка и культуры, их трудов [31. С. 179–197; 32; 33; 34. С. 73–97; 35]. Освещением этих вопросов занимается исторический журнал «Русин», объединяющий усилия гуманитариев разных стран по выявлению и сохранению островков русинской этноязыковой культуры. Под его эгидой в последние 10 лет проводятся ежегодные конференции историков и филологов Томского университета. Мы же попытались на конкретных примерах показать, что при всей сложности ситуации – отражении в языке русин и неоднородной, видимо, диалектной основы, и влияния церковнославянского, и словацкого, польского языков / диалектов (не учитывая заимствования из венгерского, немецкого языков) – возможен подход к анализу культурно значимых понятий в русинском языке с точки зрения как историко-лингвистической (этимологической), так и историко-культурной, контактологической для выявления в русинском историко-культурных страт, т.е. соответствий праславянского уровня, следов восточнославянских и западнославянских ареальных связей и церковнославянско-восточно-южнославянских отношений.

Список источников

1. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев : Наукова думка, 1985. 184 с.
2. *Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М. : Языки славянской культуры, 2002. 622 с.
3. *Браксаторис М., Ондрейчик М.* Гетерогенность праславянской основы словацкого языка как следствие склавинско-аварского воздействия // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст. к юбилею проф. Н.Е. Ананьевой / отв. ред. В.В. Красных. А.И. Изотов. М., 2017. С. 46–67.
4. *Чарский В.В.* Южнорусинский язык в свете языковых контактов (лингвогенетический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 23 с.
5. *Скорвид С.С.* Серболужицкий (серболужицкие) и русинский (русинские) языки: к проблематике их сравнительно-исторической и синхронной общности // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания : информационные материалы и тез. докл. междунар. конф. (Москва, 30–31 октября 2001 г.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 110–115.
6. *Гиндин Л.А., Калужская И.А.* Реконструкции карпатского регионального компонента позднепраславянского лексического фонда // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. М. : Наука, 1991. С. 14–35.
7. *Орел В.Э.* К границам этимологического изучения карпатской лексики // Лексика в ОЖДА. М., 1989. С. 99–104.
8. *Дронова Л.П.* Лексика общеотрицательной оценки в русинском языке (историко-культурный аспект) // Русин. 2024. № 75. С. 263–274.

9. Velký slovensko-ruský slovník. III. díl. Bratislava, 1986. 800 p.
10. Rejzek J. Český etymologický slovník. Brno : Leda, 2001. 752 p.
11. Karłowicz J. Słownik gwar polskich : W 6 t. Kraków, 1906. T. 4.
12. Słownik synonimów polskich. Warszawa, 2003. 530 s.
13. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб. : Наука, 1995. Вып. 29. 346 с.
14. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : В 2 т. М. : Руср язр, 1994. Т. 2. 560 с.
15. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. В.Б. Крысько. Т. 1–8. М. : Русский язык, 2004. Т. 7. 505 с.
16. Словник староукраїнської мови. XIV–XV. Київ : Наукова думка, 1978. Т. 2. 591 с.
17. Сербско-хорватско-русский словарь. Около 50 000 слов / сост. Н.И. Толстой. М., 1957. 168 с.
18. Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь : В 2 т. 3-е изд. Москва ; Варшава, 1988. Т. 2. 795 с.
19. Словарь старославянского языка : В 4 т. Репринт. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. Т. 3. 680 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964. Т. 1. 562 с.
21. Керча И. Русинско-русский словарь : В 2 т. Свыше 58 000 слов. Ужгород : ПоліПрінт, 2007 б. Т. 2. 608 с.
22. Керча И. Русско-руси́нский словарь : В 2 т. Ужгород : ПоліПрінт, 2012б. Т. 2. 596 с.
23. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М. : Наука, 1999. Вып. 25. 238 с.
24. Керча И. Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов : В 2 т. Ужгород : ПоліПрінт, 2007а. Т. 1. 608 с.
25. Домосилецкая М.В. Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. IV: Ландшафт / под ред. А.Н. Соболева. СПб. : Наука ; Munchen : Verlag Otto Sagner, 2010. 362 с.
26. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы : В 2 т. Тбилиси, 1984. Т. 2. 1328 с.
27. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М. : Наука, 2005. Вып. 32. 261 с.
28. Гуцульські говірки. Короткий словник / відповід. ред. Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.
29. Дронова Л.П., Лю Я. Структура лексико-семантического поля «Польза» в русинском языке в сопоставлении с русским литературным языком // Русин. 2022. № 68. С. 208–223. doi: 10.17223/18572685/68/10
30. Дронова Л.П. Лексические средства выражения необходимости в русинском языке: ареально-исторический аспект // Русин. 2016. № 3 (45). С. 107–118.
31. Алимов Д.Е. Между миграционизмом и автохтонизмом: вопрос происхождения русинов Закарпатья в дискурсивном пространстве национального нарратива // Русин. 2017. № 4 (50). С. 179–197.
32. Русины: вопросы истории и культуры. Пряшов : Русинська оброда, 1994.
33. Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев : Татьяна, 2004. 240 с.
34. Суляк С.Г. О языке славяно-молдавских грамот XIV–XVII вв. (к историографии вопроса) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4 (42). С. 73–97.
35. Русины Карпатской Руси: Проблемные вопросы истории и современность : сб. науч. статей по материалам международной научно-практической конференции «Геноцид и культурный этноцид русинов Карпатской Руси (конец XIX – начало XXI вв.)», г. Ростов на Дону, 19 декабря 2008 г. Ростов н/Д, 2010. 299 с.

Reference

1. Baran, V.D. et al. (1985) *Etnokul'turnaya karta territorii Ukrainoy SSR v I tys. n.e.* [Ethnocultural Map of the Territory of the Ukrainian SSR in the 1st Millennium AD]. Kiev: Naukova dumka.
2. Sedov, V.V. (2002) *Slavyane: Istoricheskoe-arkheologicheskoe issledovanie* [The Slavs: Historical-Archaeological Study]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Braksatoris, M. & Ondrychenko, M. (2017) Getrognennost' praslavyanskoy osnovy slovatskogo yazyka kak posledstvie sklavyansko-avarskogo vozdeystviya [Heterogeneity of the Proto-Slavic basis of the Slovak language as a consequence of Slaven-Avar influence]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Moscow: Maks PRESS. pp. 46–67.
4. Charskiy, V.V. (2008) *Yuzhnorusinskiy yazyk v svete yazykovykh kontaktov (lingvogeneticheskiy aspekt)* [South Ruthenian language in the light of language contacts (linguogenetic aspect)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Skorvid, S.S. (2001) [Serbo-Lusatian and Ruthenian languages: on the problems of their comparative-historical and synchronic community]. *Issledovanie slavianskikh yazykov v rusle traditsii sravnitel'no-istoricheskogo i sopostavitel'nogo yazykoznanija* [Study of Slavic Languages in the Tradition of Comparative-Historical and Contrastive Linguistics]. Proceedings and Abstracts of the International Conference. Moscow. 30–31 October 2001. Moscow: Moscow State University. pp. 110–115. (In Russian).
6. Gindin, L.A. & Kaluzhskaya, I.A. (1991) Rekonstruktsii karpatkogo regional'nogo komponenta pozdnepraslavyanskogo leksicheskogo fonda [Reconstructions of the Carpathian regional component of the late Proto-Slavic lexical fund]. In: *Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie yazykov raznykh semey: Leksicheskaya rekonstruktsiya. Rekonstruktsiya ischeznuvshikh yazykov* [Comparative-Historical Study of Languages of Different Families: Lexical Reconstruction. Reconstruction of Extinct Languages]. Moscow: Nauka. pp. 14–35.
7. Orel', V.E. (1989) K granitsam etimologicheskogo izucheniya karpatskoy leksiki [On the boundaries of etymological study of Carpathian lexicon]. In: Bernshteyn, S.B. & Klepikova, G.P. (eds) *Leksika v OKDA* [Lexis in Pan-Carpathian Dialectological Atlas (OKDA)]. Vol. 1. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies USSR AS. pp. 99–104.
8. Dronova, L.P. (2024) Lexis of general negative evaluation in the Rusin language (a historical and cultural aspect). *Rusin*. 75. pp. 263–274. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/75/14
9. Dorotjaková, V. et al. (1986) *Velký slovensko-ruský slovník*. III. díl. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.
10. Rejzek, J. (2001) *Český etymologický slovník*. Brno: Leda.
11. Karłowicz, J. (1906) *Słownik gwar polskich*. Vol. 4. Kraków: [s.n.].
12. Anon. (2003) *Słownik synonimów polskich*. Warszawa: [s.n.].
13. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1995) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 29. Saint Petersburg: Nauka.
14. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoricheskoe-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
15. Krysko, V.B. (ed.) (2004) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of Old Russian Language (11th–14th Centuries)]. Vol. 7. Moscow: Russkiy yazyk.
16. Gumets'ka, L.L. (ed.) (1978) *Slovník staroukrajns'koï movy. XIV–XV* [Dictionary of Old Ukrainian Language. XIV–XV]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.
17. Tolstoy, N.I. (ed.) (1957) *Serbsko-khorvatsko-russkiy slovar'*. Okolo 50000 slov [Serbo-Croatian-Russian Dictionary. About 50,000 Words]. Moscow: [s.n.].
18. Gessen, D. & Stypuła, R. (1988) *Bol'shoy pol'sko-russkiy slovar'* [Great Polish-Russian Dictionary]. 3rd ed. Vol. 2. Moscow; Varshava: Russkiy yazyk; Wiedza Powszechna.

19. Saint Petersburg State University. (2006) *Slovar' staroslavianskogo yazyka* [Dictionary of Old Church Slavonic]. Vol. 3. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (Reprinted).
20. Fasmer, M. (1964) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 1. Moscow: Progress.
21. Kercha, I. (2007) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Ruthenian-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
22. Kercha, I. (2012) *Russko-rusinskiy slovar'* [Russian-Ruthenian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
23. Trubachev, O.N. (ed.) (1999) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 25. Moscow: Nauka.
24. Kercha, I. (2007) *Rusinsko-russkiy slovar'. Svyshe 58 000 slov* [Ruthenian-Russian Dictionary. Over 58,000 Words]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
25. Domosiletskaya, M.V. (2010) *Malyy dialektologicheskii atlas balkanskikh yazykov. Seriya leksicheskaya* [Small Dialectological Atlas of Balkan Languages. Lexical Series]. Vol. 4. Saint Petersburg: Nauka; München: Verlag Otto Sagner.
26. Gamkrelidze, T.V. & Ivanov, V.V. (1984) *Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeytsy* [Indo-European Language and Indo-Europeans]. Vol. 2. Tbilisi: Tbilisi State University.
27. Trubachev, O.N. (ed.) (2005) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 32. Moscow: Nauka.
28. Zakrevs'ka, Ya. (ed.) (1997) *Gutsul's'ki hovirky. Korotkyy slovnyk* [Hutsul Dialects. Short Dictionary]. Lviv: Ivan Krypiakevych Institute of Ukrainian Studies.
29. Dronova, L.P. & Yanchun, L. (2022) The structure of the lexico-semantic field "pol'za" in the Rusin language compared to the Russian literary language. *Rusin*. 68. pp. 208–223. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/68/10
30. Dronova, L.P. (2016) Lexical means of expressing necessity in the Rusin language: geographical and historical aspects. *Rusin*. 3 (45). pp. 107–118. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/45/8
31. Alimov, D.E. (2017) Between migrationism and autochtonism: On the origin of Transcarpathian Rusins in the discursive space of the national narrative. *Rusin*. 4 (50). pp. 179–197. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/50/12
32. Rusínska obroda. (1994) *Rusiny: voprosy istorii i kultury* [Ruthenians: Questions of History and Culture]. Prešov: Rusin'ska obroda.
33. Sulyak, S.G. (2004) *Oskolki Svyatoy Rusi. Ocherki etnicheskoy istorii rusnakov Moldavii* [Fragments of Holy Rus'. Essays on the Ethnic History of Moldavian Ruthenians]. Chişinău: Tat'yana.
34. Sulyak, S.G. (2016) About the language of the Slavonic-Moldavian documents of the 14th–17th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (42). pp. 73–97. (In Russian).
35. Mironov, G.Yu. et al. (2010) *Rusiny Karpatskoy Rusi: Problemnye voprosy istorii i sovremennoy* [Ruthenians of Carpathian Rus': Problematic Issues of History and Modernity]. Proceedings of the International Conference Genotsid i kulturnyy etnotsid rusinov Karpatskoy Rusi [konets XIX – nachalo XXI vv.] [Genocide and Cultural Ethnocide of Rusyns of Carpathian Rus' [late 19th – early 21st centuries]]. Rostov-on-Don. 19 December 2008. Rostov-on-Don: [s.n.].

Информация об авторе:

Дронова Л.П. – д-р филол. наук, профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Томск, Россия).
E-mail: lpdronova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.P. Dronova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lpdronova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.05.2025;
одобрена после рецензирования 19.08.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 19.05.2025;
approved after reviewing 19.08.2025; accepted for publication 05.12.2025.*